

Криминальный роман:
любовь и преступление

Татьяна Полякова

НАЙТИ, ВЛЮБИТЬСЯ
И ОТОМСТИТЬ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Полякова, Татьяна Викторовна.

П54 Найти, влюбиться и отомстить : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с.

ISBN 978-5-04-176683-2

Найти, влюбиться и отомстить... Всего за месяц жизнь моя сделала крутой поворот. А началась история страшно и странно... Рука в черной кожаной перчатке легла на шею подруге, глаза Веры удивленно расширились, и... связь по скайпу прервалась. Вера была обыкновенной девушкой с обычной жизнью. Ни у кого не имелось, как мне казалось, ни малейшего повода желать ей смерти. Но ее убили. Следствие зашло в тупик. Я и Владан Марич, «специалист по трудноразрешимым проблемам», начали вести собственное расследование...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полякова Т.В., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2023

ISBN 978-5-04-176683-2

Сданные нам карты сменить нельзя, но разыграть их можно по своему усмотрению.

Р. Пауш

Когда мне было десять лет, я однажды ночью отправилась в одиночестве бродить по городу. Девочкой я росла домашней, под неусыпным маминым контролем, папа, впрочем, тоже вниманием меня не обделял. На свет я появилась на двенадцатый год их совместной жизни, после многочисленных и, увы, безрезультатных попыток завести ребенка. Мама ездила по монастырям, разуверившись в медицине, а папа утешал ее, как мог, ни на что уже не надеясь. В медицине он тоже разуверился, а, будучи атеистом, на милость Господа особенно не рассчитывал. Однако по настоянию мамы неоднократно к святым местам ездил вместе с ней. После одной такой поездки я и появилась на свет. Не только мама, даже отец решил, что это чудо. Огромная радость родителей быстро сменилась тревогой: ребенком я росла болезненным, точно магнит, притягивая всевозможные инфекции. Мама ушла из жизни очень рано, и в этом, наверное, была моя вина, по крайней мере, я не раз думала об этом. Вечное беспокойство, бессонные ночи и не проходящее тревожное состояние, точно она каждую минуту ждала от судьбы подвоха, свою роль, безусловно, сыграли. В сорок восемь лет у нее обнаружили рак, а через полгода она умерла.

Но когда мне было десять, мама еще была рядом, и представить свою жизнь без нее я попросту не

могла, хотя, как большинство детей в этом возрасте, чрезмерной опекой начала тяготиться. Родителей я очень любила, что не мешало мне иногда завидовать подруге Вере, у которой мама то и дело уезжала в командировки. Она оставляла ее на попечение соседки, которая особо в ее жизнь не вмешивалась, лишь бы Верка в восемь вечера была дома и не забыла поужинать. Я завидовала подруге, а та завидовала мне, потому что никого, кроме мамы, у нее не было, оставаться по ночам одна она боялась, а сказать об этом матери не решалась, чего доброго та начнет переживать и откажется от командировок. Мать Веры вечно тряслась из-за страха лишиться работы, постоянно повторяя с отчаянием в голосе: «На что мы будем жить?»

Верину проблему мы решили довольно просто: я предложила ей жить у нас, когда ее мама уезжает. Мои родители охотно согласились.

Те времена можно смело считать самыми счастливыми в моей жизни. Учились мы в одной школе, хотя и в разных классах, Вера была на три года старше. После уроков шли ко мне, быстро делали домашние задания и могли вволю предаваться своим незатейливым играм.

Наша дружба с годами только крепла, что неудивительно. Моя подруга, добрая и веселая, была еще и невероятной фантазеркой. На месте ей не сиделось. Мы мечтали о путешествиях, необыкновенных приключениях, но меня даже в летний лагерь никогда не отпускали, а вот Верку отправляли туда на все лето. По этой причине лето я ненавидела.

Мне исполнилось десять лет, когда мы переехали из трехкомнатной квартиры в просторный дом, что ни малейшей радости у меня не вызвало. Находился он в пяти троллейбусных остановках от нашего прежнего жилища, в другую школу меня переводить все-таки не

стали (я заливалась слезами, стоило маме лишь упомянуть об этом), но Верку ко мне теперь отпускали неохотно, за исключением тех случаев, когда ее мать отбывала в командировку. Как на грех, ее повысили в должности, и командировки становились все реже. Вечерами мы с Веркой подолгу болтали по телефону, лелея глупую мечту, что, когда вырастем, непременно будем жить вместе, и никто не сможет этому помешать.

Мама с такой любовью выбирала для меня мебель, шторы и прочее, а я хмурилась за ее спиной. Мне не нужна была эта комната принцессы, не нужен сад и этот дом. Очень хотелось в прежнюю квартиру, чтоб в соседнем доме жила Верка. Когда подругу в очередной раз ко мне не пустили (уроки надо учить, а не по подругам болтаться), я устроилась на подоконнике, таращилась в окно и с неприязнью думала о взрослых: где им понять, что такое дружба.

Вот тогда и возникла идея сбежать из дома. Хотя бы на пару часов, даже на несколько минут почувствовать себя свободной... идиотизм, но для десятилетней девчонки почти что норма. Осуществить это чисто физически было легче легкого: комната на первом этаже, родители спят на втором. В саду калитка, выходящая в переулок. Ключ от калитки у меня есть. Вылез в окно, и ты на свободе. Родители вряд ли догадаются о моем отсутствии. Правда, мама могла заглянуть ко мне в комнату, но не ночью же? Хотя могла и ночью, но это там, в квартире, отправляясь в туалет или на кухню выпить воды. Теперь мы спали на разных этажах, и это вселяло определенные надежды. Надо сказать, ребенком я была не только домашним, но и на редкость послушным, вот бы мама удивилась, узнав о моих фантазиях. В общем, идея в голове засела крепко. Я в

деталей представляла, как открываю окно, выбираюсь в сад, иду к калитке...

Веркиным воображением я похвастать не могла, и последующие фантазии были довольно расплывчаты. Но фраза «я одна ночью на улице» вызывала трепет. Для меня это было покруче любого приключения.

В тот вечер у нас были гости, засиделись допоздна, меня, как обычно, в половине одиннадцатого отравили спать. Лежа в темноте, я прислушивалась к голосам из гостиной. К полуночи гости разъехались, я слышала, как родители переговариваются, убирая посуду, потом все стихло. Дверь в мою комнату чуть приоткрылась, я гадала, кто это, отец или мать, и тут же поняла, что они стоят в темноте рядом и смотрят на меня.

— Ленечка, я так счастлива, — сказала мама. — Спасибо тебе.

— Что ты, милая, это я тебе благодарен... я люблю тебя...

Дверь закрылась, шаги на лестнице и тишина.

Чувствуя себя героиней всех когда-либо виденных мною приключенческих фильмов, я поднялась, быстро натянула джинсы и футболку и осторожно открыла окно. Выбраться в прихожую я не рискнула, значит, путешествовать придется в тапочках. Держа их в руках, я взгромоздилась на подоконник и немного подождала, прислушиваясь к тишине ночи, пытаюсь справиться с волнением. А потом скользнула вниз, ноги коснулись земли, и я вздохнула с облегчением. Окно располагалось не очень высоко, но все-таки пришлось постараться, чтобы спуститься, не наделав шума. Прикрыв окно, я направилась к калитке. Полминуты, и я в переулке. Дома вокруг тонули в темноте. Что делать дальше, я, само собой, не знала, к тому же отчаян-

но трусила. Возникла мысль вернуться. Однако признаться себе в собственной глупости не хотелось. Вот она, свобода... Я прошла с сотню метров и немного приободрилась. Ничего страшного. Дойду до конца переулка... Переулок совсем маленький, очень скоро я оказалась на проспекте. Здесь горели фонари, и время от времени проезжали машины, что беспокойства лишь прибавило: на меня могли обратить внимание.

Держась в тени домов, я дошла до здания цирка, так и не встретив ни души, и вновь свернула на ближайшую улицу. Неподалеку жила мамина подруга, и я неплохо здесь ориентировалась. Миновав троллейбусную остановку, надо опять свернуть, и тогда я выйду к своему дому, только с другой стороны. Этим маршрутом мы обычно возвращались с мамой. Я просто пройду его одна, и ничего со мной не случится.

Успокоив себя этими мыслями, я зашагала куда веселее, и тут услышала грохот, что-то вспыхнуло, а я закричала от неожиданности и бросилась бежать, но не назад, как следовало бы, а вперед. Через минуту я замерла как вкопанная. Горела машина, столб огня поднимался к беззвездному небу, и в этом зареве навстречу мне шел мужчина. С белыми, точно снег, волосами, одетый в темный короткий плащ нараспашку. Боевиком я насмотрелась достаточно, и увиденное показалось сценой из голливудского фильма. Взорванная машина, человек с автоматом на плече, который он не спеша убрал под плащ, уверенно печатая шаг. И всполохи пламени за его спиной.

Я стояла, открыв рот, не в силах поверить в реальность происходящего, а между тем расстояние между нами стремительно сокращалось, но о том, чтобы бежать или прятаться в ближайших кустах, и речи быть не могло, я была просто не в состоянии это сделать.

Конечно, он меня увидел. И нахмурился. Мужчина как раз поравнялся с фонарем, и теперь я хорошо видела его лицо.

— Ты здесь откуда? — сердито спросил он. Я отчаянно замотала головой. — Что ты делаешь одна на улице?

— Я... я... — Так и не произнеся ничего вразумительного, я в страхе зажмурилась.

Он оказался всего в шаге от меня.

— Где ты живешь? — спросил нетерпеливо.

На этот раз я смогла ответить:

— На улице Куйбышева.

— Вот черт, — покачал он головой и взял меня за руку. — Идем.

И мы зашагали в сторону проспекта, он застегнул плащ, в тщетной надежде, что оружие я не увижу, смотрел на меня и хмурился. Его рука сжимала мою ладонь, а все мои страхи фантастическим образом куда-то исчезли.

— С какой стати ты по ночам одна болтаешься? — буркнул он. — Из дома сбежала?

— Да, то есть нет, то есть я просто хотела... Хотела проверить, испугаюсь или нет.

— И родители, конечно, о твоих экспериментах не подозревают? — Я кивнула, чувствуя, что краснею. — Обещай мне, что больше глупостями заниматься не будешь. Ночью надо спать, а не болтаться по городу. Поняла?

Я вновь кивнула и ухватила за его ладонь покрепче.

Мы вышли к калитке, я окинула взглядом дом за забором и с облегчением вздохнула: все окна были темными.

— Ты как из дома сбежала? — оглядываясь, спросил он.

— Через окно.

— Да? А назад как думаешь?

Тут я сообразила, что вернуться в дом тем же путем будет куда труднее. Мужчина покачал головой, взял у меня ключ, открыл калитку и вернул ключ мне. Очень осторожно мы прошли к окну, мой провожатый толкнул раму, потом легко подхватил меня на руки и посадил на подоконник.

— Спасибо, — прошептала я, сидя на подоконнике, свесив ноги.

Он прижал палец к губам:

— Тихо. Помни, что ты мне обещала. И еще. Ты меня не видела. Ничего не видела. Поняла?

Я кивнула и зашептала горячо:

— Я никому не скажу, даже Вере. Это моя лучшая подруга.

— Быстро спать, — шикнул он и бесшумно вернулся к калитке.

А я сползла с подоконника, молниеносно разделась и легла в постель, но так и не уснула до самого рассвета.

Родители не подозревали о моей ночной вылазке, и Вере я о ней не рассказала. Хотя очень хотелось. Но я помнила о данном слове, а еще очень сомневалась, что подруга мне поверит. Вскоре я и сама начала сомневаться, а было ли это на самом деле? Может, все мне попросту приснилось? Как бы то ни было, но еще долгое время я видела в своих снах мужчину в плаще, с белыми, точно снег, волосами.

Лет в четырнадцать отправилась в библиотеку и потратила несколько часов, просматривая старые газеты. Мои усилия не были напрасными. На глаза попала заметка, совсем небольшая. В ней шла речь об

убийстве криминального авторитета и двух его охранников. Обгоревшие трупы, взорванная машина. Суббота, два часа ночи. Никаких свидетелей. Пролистав газеты, вышедшие позднее, упоминаний об этом я больше не нашла. Но и того, что узнала, оказалось достаточно. Нет, это не было сном. Оставалось лишь гадать, с кем той ночью меня свела судьба. Размышляя об этом, я испытывала странную тоску, а еще томление. Бродя по городу, заглядывала в лица прохожих в тщетной надежде увидеть знакомое лицо. Я помнила его так хорошо, так отчетливо, что, будь у меня талант художника, смогла бы написать портрет.

И вот через много лет я вновь увидела его во сне. Темный переулок, огненные всполохи, мужчина идет мне навстречу уверенной походкой... Проснувшись, я еще долго не могла избавиться от вдруг навалившейся тоски, лежала, отбросив одеяло, разглядывая потолок. Откуда эта печаль? Просто хочется вновь оказаться в детстве, легком, беззаботном, где еще жива мама, где мир ясен и прост? А все мечты непременно когда-нибудь осуществляются?

— Хватит заниматься глупостями, — проворчала я, с трудом заставив себя подняться с постели.

Прошла в кухню, заварила кофе. Постояла у окна с чашкой в руках. Потом включила скайп, прикидывая, сколько сейчас времени в Улан-Удэ. С этими часовыми поясами вечная путаница. И отправилась в ванную. Я чистила зубы, когда услышала вызов. Наскоро умылась и бросилась к компьютеру.

— Привет, — сказала Руфина, и на экране возникло ее лицо. Раскосые глаза, широкие скулы и мальчишеская стрижка.

— Привет, — ответила я, опускаясь в кресло. — Не могу запомнить, у тебя еще ночь или уже день?

— Бестолочь, сколько раз повторять одно и то же? Запиши на листе бумаги и прицепи к монитору. К тому же ты можешь звонить мне в любое время. Я тебе всегда рада, а спать много вредно. Как дела?

— Нормально.

— Полинка, мне видение было, — вздохнула она. — Ты встретишь человека... мужчину. И эта встреча изменит твою жизнь.

— Давно пора. Он красавец, или с восторгами следует повременить?

— Я ведь не сказала, что это будет влюбленный мужчина, — вновь вздохнула Руфина. — Я вижу вас рядом, но не вижу, что вы вместе. Понимаешь?

— Не очень. На любовное приключение рассчитывать не приходится?

— Тебе не нужно любовное приключение, — поправила она. — Тебе нужен надежный человек рядом.

— А кому не нужен? — хмыкнула я.

— Это может быть опасным, — продолжила подруга. — Не знаю, как и почему, но чувствую. Возможно, какое-то событие, которое произойдет, когда вы встретитесь. Хотя... может быть, опасен он сам.

— Разобьет мое сердце?

— Дура. Все серьезно. Вижу тебя, вижу человека без лица и темное пятно вокруг вас. Будь осторожна, слышишь?

— Слышу. У меня сегодня тоже было видение. Точнее, сон, который я уже видела в детстве. Мужчины в нем присутствовал.

— Твой сон можно назвать предупреждением? — нахмурилась Руфина.

— Вот уж не знаю... сон как сон.

— Расскажи.

— Переулочек, темнота, человек идет навстречу... и я совершенно точно видела тот же сон в детстве. Не один раз. После этого ничего скверного не случилось, может, и сейчас обойдется?

— Обещай, что будешь осторожна с новыми знакомыми.

— Обещаю. Только вот откуда им взяться?

— Не нравится мне твой настрой, — посетовала Руфина. — Я в ближайшие дни уеду на недельку. Может, махнешь со мной? Помедитируем вместе.

— В ближайшие дни вряд ли получится. Ладно, пока. Сзвонимся позднее.

Разговор с Руфиной желанного спокойствия не принес. Даже наоборот.

Познакомились мы с ней год назад, в далеко не лучший, скажем прямо, период моей жизни, впрочем, и сейчас в этом смысле мало что изменилось, а если и были изменения, то только в худшую сторону. Так вот, год назад, зная не зная, что делать с самой собой и своей жизнью, я занялась йогой, в тщетной надежде обрести гармонию. Тренер по йоге, женщина лет тридцати пяти с абсолютно неустроенной судьбой (три неудачных брака, двое детей, любовник на десять лет моложе, к тому же женатый), но при этом несокрушимая оптимистка, обратила внимание на мою унылую физиономию и попыталась внушить мне уверенность, что мы сами творцы собственной судьбы и прочее в том же духе. Это показалось бы смешным, учитывая ее собственные обстоятельства, но мне тогда было не до смеха. Часто люди не в силах справиться со своими проблемами, но охотно взваливают на себя чужие. В нашем случае так и вышло. Она вела со мной долгие беседы за чашкой чая,

а я, чтобы не тратить ее время попусту, записалась к ней на индивидуальные занятия. В деньгах она нуждалась, а у меня, благодаря папе, их было даже больше, чем нужно. В йоге я заметно продвинулась, с легкостью выполняла упражнения, но гармонии в душе по-прежнему не наблюдалось. Вот тогда и возникла идея отправиться на строительство буддийского монастыря. Ольга, так звали тренера, водила с буддистами дружбу и подобное событие оставить без внимания не могла. Папа возражать не стал, более того, поездку щедро финансировал. И мы отправились с Ольгой в компании еще двоих добровольцев, в надежде, что перемена мест пойдет мне на пользу.

На стройке я и познакомилась с Руфиной. Она была на шестнадцать лет старше, незамужняя, бездетная и с большим сдвигом. В нашей разношерстной компании ее считали попросту чокнутой. Несмотря на это, мы очень быстро подружились. Взаимная симпатия возникла сразу и за месяц, что мы прожили в монастыре, только окрепла. Причину назвать затрудняюсь. По сути, очень мало что могло нас связывать. Ее интересы оказались далеки от моих, точнее, у меня их вовсе не было. Диплом валялся где-то в шкафу, ни одного дня в своей жизни я не работала, а деньги могла не считать.

Руфина росла в многодетной семье, вкалывала с семнадцати лет маляром на стройке, училась, конечно, заочно и теперь работала прорабом. В свободное время занималась поисками смысла жизни. А я очень сомневалась в его наличии. Телевизор она не смотрела, романов не читала, к тому же ее посещали видения. Я считала это ерундой, слушала, кивала и относилась к разряду недостатков, с которыми проще всего

смириться. Пока однажды, полгода назад, она не позвонила мне утром и не сказала, совсем как сегодня:

— Полинка, я видела тебя, а вокруг кровь. Много крови.

— Авария, что ли? — мысленно чертыхнувшись, предположила я.

— Не знаю. Может, и авария. Не с тобой. Кто-то близкий. Ты вся в слезах, а рядом кровь. Потом увидела электрические часы с датой. Все произойдет сегодня вечером.

— Можно это как-то изменить? — спросила я, чувствуя маету в душе. — Предотвратить?

— Нет. Что будет, то будет.

— На хрена тогда ты мне это говоришь? — разозлилась я, обозвала ее «дурой» и отключилась, а потом поспешила выбросить дурацкое предсказание из головы. Руфина и вправду чокнутая, выдумать такое... правы ее друзья-будисты.

А вечером в одиннадцать тридцать погибла Вера. На моих глазах. Может, поэтому я до сих пор так и не смогла прийти в себя. В тот вечер, несмотря на все старания поскорее забыть предсказание Руфины, я все-таки отправилась к отцу. Я уже некоторое время жила отдельно, в однокомнатной квартире, которую купил мне папа. Не только желание избавиться от родительской опеки послужило причиной моего переезда. Я рассчитывала, что, оставшись один, папа наконец устроит собственную личную жизнь. Хотя к переменам он, как выяснилось, не особенно стремится. Но я все-таки надеялась. В общем, мы жили врозь, а слова Руфины впечатление произвели, и я поехала к отцу, с намерением остаться у него ночевать. Мы коротали вечер возле камина, папа смотрел телевизор, а я устроилась в кресле по соседству с планшетом на

коленях. Кочевала с одного сайта на другой, потом позвонила Верке. Окончив институт, подруга стала работать на телевидении. Свободного времени у нее было мало, и мы виделись теперь нечасто, но перезванивались регулярно. Наша дружба не стала менее крепкой, но было кое-что в моей жизни, о чем я не хотела рассказывать ни отцу, ни ближайшим подругам, впрочем, к тому моменту, за исключением Верки и Руфины, подруг у меня практически не осталось. Я не могла или не хотела рассказать Вере всю правду, оттого моя затяжная депрессия казалась ей если и не глупостью, то явным нежеланием что-то изменить в своей жизни. Деятельную Верку это очень злило, и при случае она неумоимо принималась читать мне нотации. Поэтому ее занятость и наши редкие встречи меня, по большому счету, вполне устраивали. Я довольствовалась болтовней по телефону, и от ее предложений «выйти в свет» неизменно отказывалась под благовидным предлогом. Верку это злило еще больше, однако друг без друга существовать мы не могли, и вечерний звонок подруге уже давно стал ритуалом. Общались мы, как правило, по скайпу, хотя ничто не мешало набрать ее домашний номер. Верка ворчливо замечала, что это единственная возможность увидеть мою физиономию, дабы окончательно не забыть, как я выгляжу.

— Ты где есть-то? — ответив на мой звонок, спросила подруга.

— У папы.

— Дяде Лене большой привет. Ко мне заглянуть не хочешь?

— Не сегодня.

— Ага, ага. Слышали не раз. Завтра сама к тебе приеду. Вечером, часов в семь. Ок? Надеюсь, никаких срочных дел?

— Да вроде ничего не намечается. Приезжай, куплю пирожных...

— Лучше не надо. Я на диете.

За последние два года Верка перепробовала все диеты, которые смогла найти в Интернете, хотя, с моей точки зрения, выглядела прекрасно. Но, как известно, нет предела совершенству. Мы немного поболтали на эту тему, потом Верка рассказала о новостях на работе. Ничего примечательного. Папа выключил телевизор, подошел ко мне:

— Не возражаешь, если я пойду спать? Завтра придется встать пораньше...

— Конечно, — кивнула я, сказав Вере: — Подожди минуту... — поцеловала отца, он отправился на второй этаж в свою спальню, а мы продолжили разговор.

— Как у него на личном фронте? — спросила Вера.

— Без перемен.

— Такой мужчина — и один. Не понимаю я этого. И ты, должно быть, в родителя удалась, — нахмурилась она, возвращаясь к излюбленной теме. — Хочешь, познакомлю тебя с одним парнем?

— Не хочу.

— Почему? Ты же его даже не видела, вдруг он тебе понравится?

— Не начинай, а? — поморщилась я.

— Господи, ты красивая молодая женщина...

В этом месте я убавила звук и с улыбкой наблюдала за Верой, точнее, за ее безуспешными стараниями в очередной раз вправить мне мозги. Я видела ее лицо почти во весь экран, Вера сидела в наушниках, сдвинутых с одного уха. Она умудрялась разговаривать со

мной и одновременно слушать музыку. Способность заниматься множеством дел одновременно была у нее с детства. И тут я вдруг увидела за спиной подруги силуэт человека. Рядом с ее столом стоял торшер, освещающая саму Веру и часть комнаты, а он, надо полагать, появился со стороны двери. «У Веры гость в такое позднее время?» — успела подумать я.

Подружка недавно рассталась со своим парнем, так что появление гостя очень меня заинтересовало. Вряд ли это сослуживец, время неподходящее для деловых встреч. А о новом знакомстве Вера ничего не рассказывала, что на нее совсем не похоже. Только я собралась задать вопрос: «Кто у тебя в гостях?», как увидела руку в кожаной перчатке, она легла на шею подруги, глаза Веры удивленно расширились, и тут связь прервалась.

— Вера! — заорала я, понимая, что слышать меня подруга не может.

Я кликнула по значку «вызов», не в силах поверить, что произошло что-то ужасное, и пыталась убедить себя, что увиденное — дурацкая шутка, но грудь вдруг сдавило от боли, и тут же возникла мысль о предсказании Руфины. В общем, в те несколько минут, безуспешно вызывая подругу, я о многом успела подумать. На вызов она не ответила.

Я бросилась к домашнему телефону, отчаянно крича:

— Папа, папа!..

Он появился на лестнице, на ходу надевая халат, не понимая, что происходит. Номер Веры не отвечал.

— Что случилось? — растерянно спросил папа, оказавшись рядом.

Продолжая набирать номер и вновь слушая гудки, я, как могла, объяснила. На лице отца отчетливо читалось недоумение.

— Ты видела, как кто-то схватил Веру? — пробормотал он, а я бестолково кивала.

— Я звоню в полицию, — наконец смогла произнести я. — Нет, позвоню по дороге... Надо ехать к ней...

— Хорошо, — кивнул отец, и мы бросились в гараж. Он, как был, в пижаме и халате, а я в домашнем платье и тапочках на босу ногу. Папа наверняка сомневался в моем рассказе, хотя возражать не рискнул. Наверное, как и я, надеялся, что это глупая шутка. Вот только кому вздумалось так шутить?

По дороге я дозвонилась в полицию. Женщина, принявшая мой вызов, поначалу решила, что это розыгрыш. Неудивительно, учитывая, что изъяснялась я не особенно толково.

— Дай мне мобильный, — сказал отец, сообразив, что меня сейчас отфутболят. — Моя дочь разговаривала по скайпу с подружкой и видела, как кто-то напал на нее...

Слова папы, точнее, его тон, впечатление произвели. Мы въехали во двор дома, где жила Вера, и увидели полицейскую машину, из нее вышли двое мужчин.

— Чего случилось-то? — спросил один из них.

Но, обнаружив нас в мало подходящей одежде для января месяца, нахмурился, справедливо полагая, что если здесь кто-то и валяет дурака, то отнюдь не мы.

Двое полицейских вместе с нами вошли в подъезд, я бегом поднялась на второй этаж, позвонила в дверь Вериной квартиры. Подошедший полицейский подергал дверь, но она оказалась заперта. Я давила на кнопку звонка, дверь не открывали.

— Может, ваша подруга ушла куда-нибудь? — предположил мужчина.